

Борис Норман
Независимый исследователь
boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Boris Norman
Independent researcher
boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

«ТАК МОЖНО СКАЗАТЬ, НО ТАК НЕ ГОВОРЯТ» (О СЕЛЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ)

«YOU CAN SAY THAT, BUT NO ONE SAYS THAT» (ABOUT SELECTIVE FUNCTION OF GRAMMATICAL FORMS)

Языковая система обладает большим запасом возможностей выражения значений, который используется лишь частично. Это обнаруживается, в частности, при сопоставлении славянских языков и касается категорий числа, рода, безличности и др. Но наибольший интерес представляют ситуации, когда те или иные морфологические «запреты» (фильтры) связаны со спецификой лексического значения. Это — селективная роль грамматических значений, воплощающая в себе взаимодействие лексики и грамматики. В статье данный тезис будет продемонстрирован на примере русских существительных с темпоральным значением (*неделю, зимой, утром, в понедельник, по пятницам, под Новый год, на Рождество* и т. п.).

Ключевые слова: языковая система, норма, русский язык, предлог, падеж, темпоративы.

The language system has a large reserve of possibilities for expressing meanings, which is used only partially. This is found, in particular, when comparing Slavic languages and concerns the categories of number, gender, impersonality, etc. But the most interesting are the situations when certain morphological “prohibitions” (filters) are connected with the specifics of the lexical meaning. This is a selective role of grammatical meanings, embodying the interaction of vocabulary and grammar. In the paper, this thesis will be demonstrated on the example of nouns with a temporal meaning (Russian *неделю, зимой, утром, в понедельник, по пятницам, под Новый год, на Рождество*, etc.).

Key words: language system, norm, Russian language, preposition, case, temporativa.

Выражение «Так можно сказать, но так не говорят», восходящее к какому-то анекдоту или реальной жизненной истории, стало уже лингвистическим афоризмом или, говоря современным языком, мемом. Л. В. Щерба, обосновывая место эксперимента в деятельности лингвиста, считал «особенно поучительными» отрицательные результаты, т. е. языковые факты, оцениваемые с помощью формулы «так не говорят» (Щерба 1974: 32–33). С этой проблемой регулярно сталкивается как лингвист, занимающийся типологией языков, так и преподаватель-словесник, вынужденный корректировать речевые произведения своих подопечных. Речь идет о несоответствии возможностей языковой системы ее практической реализации. И обычный носитель языка, испытывая затруднения в выборе слова или в образовании от него необходимой формы, нередко удивляется или сетует: «Почему-то так не говорят...». Приведу несколько примеров.

А тот день, когда все мы, и я, шестидесятилетний (шестидесятиоднолетний, но так не говорят), увидели на экранах телевизоров «гражданина Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина»...? (Л. Успенский. Записки старого петербуржца).

Кушакова — большеглазая, большеротая, большеногая (нет, это неграмотно, правильно — длинноногая) женщина тридцати пяти лет, стильно обернутая в фирменную материю (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Гараж).

...Главным в этих мечтах оставался все-таки крепкий чай, камиллавка и все то многообразное безделье, которое причиталось заслужившим людям (или, как принято говорить почему-то, «заслуженным»), по-видимому, по праву (А. Битов. Пушкинский дом).

С синтаксической точки зрения порядковые числительные должны быть похожи на прилагательные, и потому следовало бы говорить «омеговый», «омега плюс первый» и так далее; но так почему-то не говорят (В. А. Успенский. Апология математики, или О математике как части духовной культуры).

Разумеется, те же проблемы волнуют и носителей других языков — обычно в чисто практическом смысле (например: Pisarek 1978; Георгиева, Мурдаров 1982; Neuenkirchen 2021; Bogusławski 2008: 34–35, 83–88 и др.). Речь идет о языковой системе в противопоставлении ее двух ипостасей: *in potentia* и *in facto*.

Рефлексия носителя языка над фактами речи, несомненно, заслуживает внимания — особенно его метаязыковой комментарий, который, как правило, содержит оценочный компонент (Вепрева 2002: 79–86 и др.). Но нас интересуют внутренние основания подобных запретов и ограничений. Есть несколько общих причин, по которым в принципе возможная языковая единица — слово, синтаксическая конструкция или грамматическая форма — не используется в речевом общении. Перечислю их с комментарием.

1. **Гибкость, мягкость языковой системы предполагает в каждый момент наличие в языке определенного резерва — избытка средств выражения.** Это может быть связано и с эволюционной предысторией (разные средства появлялись из разных источников, в разное время, по различным причинам — так часто возникают синонимы вроде *бегемот* — *гиппопотам*), и с эволюционной перспективой (возможность семантической дивергенции, постепенного расхождения синонимов, дифференциации оттенков в будущем и т. п.). Следовательно, у языка всегда есть больше, чем надо, средств выражения, и говорящему так или иначе приходится отдавать предпочтение какому-то из вариантов, а на другие — «закрывать глаза».

В частности, посессивность располагает в русском языке целым рядом средств для своего выражения; неудивительно, что это обстоятельство делает какие-то из них в конкретном случае избыточными, неупотребительными (Норман 2017: 245–251). Это касается конкуренции притяжательных местоимений и приглагольной формы дательного падежа личного местоимения (*Почеши мне плечо*, а не *Почеши мое плечо*; *Ты наступил мне на ногу*, а не *Ты наступил на мою ногу*). Ограничения касаются и употребления личных местоимений 1-го и 2-го лица в качестве агентивных и атрибутивных зависимых (*Твой кабинет великолепен*, но не: *Кабинет тебя великолепен*; *Мой приход никого не удивил*, но не *Приход меня никого не удивил*) (Апресян 2010: 13–14).

2. **Следует априори признавать за языком определенную степень «каприза» («прихоти»), т. е. случайности в категоризации действительности.** «Фактически каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта» (Мартине 1963: 375). Естественно, это проявляется и в речи: «Утверждение, сделанное в повседневной речи, в отличие от положения стандартной логики, обычно не предназначено для обоснования случайного (*arbitrary*) положения дел» (Keenan 1973: 191). Примеров тому — множество. *Молодожены* — по-русски говорят, а «молодожен» (в единственном числе) — нет; надо сказать — *женых*. Лексема *старшеклассник*, по данным Национального корпуса русского языка, употребляется в русских текстах в 20 с лишним раз чаще, чем *младшеклассник* — а почему?

Нелогичность языковой системы проявляется и в случаях неполноты морфологической парадигмы. К примеру, обида и досада — обычные человеческие чувства. Можно сказать: *Я испытываю обиду/досаду...* или *Мне обидно/досадно, что...* Но существительное *обида* легко образует множественное число (*мои обиды*), а *досада* — нет. Почему? Почему существительное *вино* обладает полной числовой парадигмой, а *пиво* — нет? Почему *мороз* легко образует множественное число, а *жара* — с трудом? Или вот еще пример:

А ведь каждый готовящийся к показу спектакль, в том числе и наша «Чайка», — это споры, мучения, столкновения амбиций, самолюбий, искания, волнения (М. Казаков. Актерская книга).

Употребленные здесь слова *амбиция* и *самолюбие* — почти синонимы, но если для первого из них естественное множественное число, то для второго — единственное («самолюбия» — это исключение из правила), и объяснить это почти невозможно.

А. А. Зализняк прямо связывал статус допустимых, потенциальных форм с коммуникативными потребностями общества:

«...В человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п. Однако если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда будут построены: *лаи, гордости, меди* т. д. <...> Иначе говоря, *singularia tantum* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ» (Зализняк 1967: 57–58).

3. Язык допускает какое-то выражение, но логика жизненных обстоятельств и, соответственно, коммуникативная практика его отвергает. Языковая система отбраковывает те образования, которые плохо соответствуют заложенному в сознании коллективному опыту. Не говорят «без 40 минут пять», а только *20 минут пятого*.

Другой пример. Если человек испытывает болезненное состояние, когда проглоченная пища рвется обратно, наружу, то действие это произвольное, не зависящее от воли человека; по-русски надо употребить безличную форму: *Его тошнит, его рвет* (ср. также о других неконтролируемых физических состояниях: *Его трясет, лихорадит, колбасит, крутит, выворачивает* и т. п.). Личная, акциональная конструкция — как в нем. *Er erbricht* или польск. *On wymiotuje* — по-русски неприемлема, «так сказать нельзя». Правда, запрет этот не очень строгий, ср. контексты вроде следующего:

— Николай Ильич... Боженов *рвать* **хочет**...

— Тс-с-с... Тихо! Я ему *вырву!* <...>

— Николай Ильич... он, ей-богу, не сдержит... Он уже *тошнит*...

— Тс-с-с! <...>

— Николай Ильич, Боженов уже *блюет* на пол... (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

Отсутствие видимой действующей силы заставляет говорящего обратиться к безличным предложениям. Именно представление о мире, о соотношении в этом мире личного и «сверхличного» компонентов, диктует выбор одной из синтаксических конструкций.

Показательны в данном отношении примеры из области лексики и словообразования. Названия профессий сильно ограничены гендерным признаком. *Машинистка* — это было когда-то нормальное и употребительное слово. Но по отношению к мужчине, занимавшемуся перепечаткой руко-

писей (такое встречалось, хотя и редко), язык запрещал употреблять слово *машинист*. Точно так же плохо приживались в русском языке маскулинтивы *нянь*, *дояр*, *балерун*, *медбрат* (в то время как *нянька*, *доярка*, *балерина*, *медсестра* — обычные слова). Логика жизни в какой-то мере определяет логику словоупотребления. Далее мы еще вернемся к этой теме в связи с употреблением феминитивов в современной русской речи.

4. Конфликт языковой системы и нормы. Может быть так, что система вполне допускает некоторое выражение, но случайная кодификация или литературная традиция не одобряет, не принимает какую-то форму (возможно, раньше принимала, а теперь — нет). «Норма является своеобразным регулятором, который связывает систему и узус и представляет их в единстве» (Скляревская 2017: 154). Следует признать, что по отношению к фактам узуса норма поступает довольно безапелляционно.

Так, коммуникативная ситуация нередко требует образовать форму повелительного наклонения от русского глагола *ехать*. Однако формы *ехай* (от инфинитива) и *едь* (от основы настоящего времени) строго запрещены литературной нормой. Требуется сказать: *поезжай*, в крайнем случае — *езжай*.

Историческая конкуренция форм творительного падежа существительных женского рода на *-ой/-ей* и на *-ою/-ею* разрешилась в русском языке в пользу односложного окончания. Сказать *командою*, *пробежкою*, *песнею*, *демократиею* теоретически можно, но сегодня так никто не говорит. Словарь (Граудина и др. 1976: 133) оценивает для конца 70-х годов прошлого века соотношение форм на *-ой* и на *-ою* как 99% vs. 1%.

Обозначение множественного субъекта, принятое во многих языках как *X и Y* (в номинативах), в русском языке получает конкурирующую форму *X с Y* (в творительном падеже). Особенно предпочтительна она в случае, когда один из субъектов — говорящий (1-е лицо). Строгого запрета здесь опять-таки нет, ср.:

За ширмой прятались мы с Козинцевым. Он и я были кукловодами (А. Каплер. Первая любовь).

У такого сочинительного ряда «он и я» могут быть свои прагматические основания (Норман 2008: 191–192). Но все же лучше сказать по-русски не «Он и я», а *Мы с ним!*

Выбор того или иного литературного варианта языковой единицы может иметь идеологическую подоплеку. Один из самых показательных примеров последнего времени — выражение значения «лицо женского пола» через суффиксальные средства (проблема феминитивов). В русском языке закрепилась традиция использовать так называемые существительные общего рода для обозначения как мужчин, так и женщин. Поэтому привычными являются фразы вроде *Редактор прочитала рукопись* или *Наша новая директор объявила мне выговор*. Впрочем, в русском языке с древ-

нейших времен существовал суффиксальный способ образования наименований женщин: *хозяйка, портниха, помощница, секретарша, стюардесса, директриса* и т. п. В конце XX века круг таких феминитивов, особенно с формантом *-ка*, стал заметно расширяться — возможно, под влиянием других языков, западно- и южнославянских. Появились *директорка, авторка, поэтка* и т. п. Однако российская власть связала употребление таких номинаций с идеологией ЛГБТ-сообщества, признанного в России экстремистской организацией. Верховный суд РФ взял на себя смелость вмешаться в языковые процессы и в ноябре 2023 года законодательно запретил образовывать и употреблять новые феминитивы! Ситуация, конечно, анекдотическая, но весьма характерная для современной России.

Норма может иметь вид и стилистических требований. Так, не рекомендуется многократно использовать в ограниченном контексте одно и то же слово или производные от одного и того же корня — это порицается как тавтология. Сие касается и грамматических единиц. Допустим, мы хотим сказать, что «чья-то жена не готовила так вкусно». Если жен было несколько, то по-русски: *ни одна из жен не готовила так вкусно*. Но если в поле зрения попадают и иные родственники, то усилительно-отрицательная частица *ни* столкнется с парным союзом *ни* — *ни: ни мать, ни ни одна из жен!* Речевой узус этого не допускает, ср. следующий пример:

Естественно, что с такой бабушкой я рос плотненьким, кругленьким и откормленным мальчиком. Кстати, потом так никто мне не готовил: ни мама, ни одна из жен (С. Романова. Марцев).

5. Грамматика «состоит на службе» у лексики, помогает различать и выражать лексические значения. Говоря строже, грамматика «шифрует» лексику, грамматические правила и фильтры позволяют лучше очертить границы лексико-семантических групп. Такая внутренняя связь облегчает говорящему и слушающему достижение коммуникативного эффекта (см.: Норман — Мухин 2015).

В частности, возможность образования пассивных конструкций довольно сильно регламентируется со стороны лексики: она зависит как от степени акциональности глагола, так и от семантики подлежащего и дополнения в активном залоге. Это было хорошо показано Ю. Д. Апресяном на примерах типа:

Сигналы со станции «Мир» принимаются нами ежедневно,
но не **Сигналы со станции «Мир» получаются нами ежедневно;*

Дверь открывается привратником,
но не **Рот открывается мальчиком* (Апресян 2002: 21–26).

А в качестве забавного казуса можно привести еще зафиксированный случай, когда известный лингвист И. И. Ревзин в своем докладе вымучивал искусственную трансформацию: *Слесарь кушает селедку* → *Селедка кушается слесарем* (Бурас 2022: 275).

В вариантности грамматических форм (т.е., по сути, в их конкуренции) можно видеть именно подсознательное стремление языкового сообщества выделить, формально маркировать какие-то лексико-семантические группы. Один случай в современной русской речи весьма показателен. Это известные колебания типа *жить в Люблино — жить в Люблине, музей в Абрамцево — музей в Абрамцеве*. В принципе, как известно, существительные среднего рода с окончанием *-о* должны в предложном падеже принимать окончание *-е*: *колесо — в колесе, волокно — в волокне* и т.п. Но географические названия на *-о* в последние десятилетия перестают склоняться (Федосюк 2019; Федосюк 2022: 11–15). Первоначально это стремление поддерживалось географами и военными: нужно было различить формы предложного падежа у названий типа *Пушкин* и *Пушкино*. Если *живу в Пушкине* — это значит: в городе *Пушкин*; а если *живу в Пушкино* — значит, в населенном пункте под названием *Пушкино*. Словарь (Граудина и др. 1976: 138–140) на середину 70-х годов фиксировал соотношение форм предложного падежа на *-е* и на *-о* как 80% против 20%. Сегодня, думается, неизменяемость топонимов на *-о* становится довлеющим фактором. Во всяком случае, в тексте известных сказок Э. Успенского о дяде Федоре и его друзьях (издание 2016 года) название деревни *Простоквашино* регулярно используется как неизменяемое:

Тихо и хорошо в Простоквашино... Только дядя Федор, пес и кот в Простоквашино оставались... Все галки как галки у нас в Простоквашино...

И только один раз оно употреблено в форме на *-е*:

— *Это верно, — заметил папа, — сейчас в Простоквашине зима.*

Почему же перестают говорить: *в Останкине, в Бутове, в Простоквашине*? Оправдать победу несклоняемого варианта можно, среди прочих причин, и такой: особенность в образовании грамматических форм помогает выделить в нашем сознании специфическую группу слов — топонимов.

В принципе, все указанные пять причин, по которым какое-то языковое выражение является в узусе неупотребительным, нежелательным, могут действовать по отдельности, а могут где-то смыкаться, действовать в комплексе. В таком случае запрет становится еще более явным, очевидным.

Взаимозависимость лексики и грамматики можно показать как со стороны лексики — взяв за исходную точку какую-то лексико-семантическую группу, так и со стороны грамматики — взяв за точку отсчета какую-то грамматическую форму, например, определенный падеж с предлогом. В данном случае это и будет основным объектом наших наблюдений и размышлений, и мы попытаемся проиллюстрировать его средствами выражения **временных отношений в русском языке**. Известно, что обозначение как точек и отрезков на временной оси, так и последовательности действий формировалось в языке на метафорической основе: по образцу уже осво-

енного человеком членения пространства (Wingender 1995: 63–84). Но из всего богатства языковых средств нас будут интересовать сейчас только грамматические формы, представляющие семантико-синтаксическую функцию темпоратива. В дальнейшем описании названия падежей будут представлены и в сокращенном виде: именительный — *им.*, родительный — *род.*, дательный — *дат.*, винительный — *вин.*, творительный — *твор.*, предложный — *предл.*

В русском языке для выражения темпоративной функции существует большое разнообразие падежных и предложно-падежных форм. Согласно «Синтаксическому словарю» Г. А. Золотовой, темпоратив может выражаться следующими 24 формами:

Род., *до* + род., *из* + род., *между* + род., *от* + род., *с* + род., *среди* + род., *к* + дат., *по* + дат., *в* + вин., *за* + вин., *на* + вин., *по* + вин., *под* + вин., *через* + вин., твор., *за* + твор., *между* + твор., *перед* + твор., *с* + твор., *в* + предл., *на* + предл., *по* + предл., *при* + предл. (Золотова 1988: 383).

Заметим, что данный обширный список все же не совсем полон — во всяком случае, он не учитывает формы винительного беспредложного (*неделю добирался до дому*), а также словосочетаний с предлогами *после* + род., *накануне* + род., *в течение* + род., *с началом* + род., *по завершению* + род., кроме того, вин. + послелог *назад* и др. Не будем говорить также об устаревших формах выражения темпоратива, вроде *о* + ВП или *о* + ПП (*о полдень, об эту пору, о заре, о весне* и т.п.).

Но главное — как оправдать такое обилие форм, такое языковое расщепление, и как объяснить выбор какого-то из вариантов в конкретном случае?

Одно из объяснений — продолжающееся дивергентное развитие функции темпоратива, дифференциация ее оттенков, в некотором смысле — появление «субфункций» — таких как «начальная» и «конечная точка», «продолжительность», «предшествование» и др. (см. выше п. 1). В частности, в научной группе под руководством Ю. Д. Апресяна предлагается среди семантических актантов выделять такие различные роли, как «время», «дата», «момент» и «срок» (Апресян 2010: 366–367).

Другое возможное объяснение обилия темпоральных форм — через взаимную обусловленность лексических и грамматических средств выражения (см. выше п. 5). Это значит: каждая лексико-семантическая группа слов тяготеет к определенным, «удобным для нее» средствам выражения временных отношений. Продемонстрируем это на примерах.

Мы легко скажем по-русски о повторяющемся событии: *по четвергам* или *по понедельникам, по четным числам, по праздничным дням, ср.*:

Нам талдычили: не расходитесь, не отлучайтесь, вот-вот уже дадут команду двигаться, а вас может не оказаться на месте, боже упаси! Ждали по седьмым ноября на холоде, ждали до посинения. Потом команда — вперед! (В. Цыганов. Мой Екатеринбург).

Можно также связывать повторяющиеся действия с какой-то частью суток: *по утрам, по вечерам, по ночам*. Однако мы вряд ли скажем «по мартам» или «по нояблям» — хотя по существу возможно ежегодное повторение некоторого события. В «Толковом словаре» В. Даля находим: *По зимам мы дома, по летам на заработках*, но сегодня эта итеративность не требует формального выражения, ср. более естественное: *Зимой мы дома, летом — на заработках*. Если говорящий использует форму *по* + дат. (во мн. числе), то в центре его внимания находятся сутки, дни — вот его масштаб наблюдения (англ. *scope*). Такой параметр — оптимальный уровень обобщения — есть реальное проявление языковой концептуализации (Langacker 2000: 6–7).

Следующий пример: мы скажем, имея в виду некоторый отрезок времени перед определенным (знаковым) днем или частью дня: *под Новый год, под Рождество, под Пасху, под воскресенье, под выходной, под вечер, под утро...* Это всё — традиционные и привычные точки на оси времяисчисления. К этому списку могут пристраиваться и названия советских праздников:

— *Ну что ж, ванна хорошая, емкая. мы в ней огурцов насолим на зиму. Ничего, не дворяне. Умываться и на кухне можно, а **под первый май** — в баньку* (В. Драгунский. Волшебная сила искусства).

Но применительно к менее рутинным точкам отсчета так сказать нельзя. По выражению Г. Е. Крейдлина, «сочетаемость слова *под* с именами существительными весьма прихотлива» (Крейдлин 1997: 148). Мы не скажем с темпоральным значением: «под День работника торговли», «под твой день рождения», «под апрель», «под високосный год» (во всех случаях надо выбрать другую форму: *перед Днем работника торговли, накануне твоего дня рождения, в конце марта* и т. п.).

Форма *по* + предл. в значении 'после' применяется, как правило, по отношению к существительным, обозначающим процесс: *по приходе, по прибытии, по прочтении, по возвращении* т. п. (практически это всё отглагольные существительные). Нельзя сказать: «по экзаменах» или «по следующей неделе». Иными словами, ячейка в словоизменительной парадигме существительного имеется, но заполняется она опять-таки с учетом определенных лексических условий.

Форма творительного падежа без предлога активно используется для выражения темпоральных отношений, но только — применительно к названиям поры года или части дня (*зимой, ранней весной, поздней осенью, утром, днем, вечером...*). Невозможно сказать «понедельником», «сентябрем» или «обедом» (ср., впрочем, *днями* 'на днях, вскорости' или *тем временем* 'в то время как'). Фактически эти инструментальные формы превращаются в неизменяемые наречия; перед нами — яркий пример лексикализации падежной единицы.

Нетрудно и на других примерах в сфере выражения темпоральности показать внутреннюю связь и взаимообусловленность лексической семантики слова и конкретной падежной (или предложно-падежной) формы.

Беспредложный родительный падеж регулярно используется здесь для обозначения даты, например: *5-го февраля 2018 года*. Но за пределами этой узкой лексико-семантической группы — числа, месяца, года — эта форма не применяется (нельзя сказать без предлога: *утра, понедельника, зимы, войны* и т. п.).

Форма *от* + род. тоже обозначает дату, но исключительно в документах, в рамках официально-делового стиля: *письмо от 05.12.2005, решение от 13 марта настоящего года* и т. п.

Даже в рамках одной и той же формальной единицы возможна дальнейшая функциональная специализация, и это опять-таки связано с лексической базой каждого из вариантов (см.: Всеволодова 1975; Ицкович 1982: 98–111; Агафонова 2000: 321–325 и др.). Покажем это на примере предложно-падежной формы *за* + вин. Среди огромного количества значений русского предлога *за* ССРЛЯ выделяет 4 значения, связанных с выражением темпоральных отношений. Это:

«4. ...Употребляется для обозначения срока, времени, в течение которого что-либо происходит, случается. <...>

5. ...Означает: некоторое время перед чем-либо, раньше на тот или иной срок до чего-либо. <...>

7. ...Употребляется для обозначения начала какого-либо действия, приступа к какому-либо занятию. <...>

12. ...Употребляется для обозначения превышения какого-либо количества, меры чего-либо: больше, сверх чего-либо...» (ССРЛЯ, т. 4: 200–203).

Несмотря на кажущуюся опасность такой полисемии, потенциальную омонимию, коммуникативных недоразумений тут практически не возникает. Дело в том, что «процессуальное» значение №4 подразумевает подведение итогов за некоторый отчетный период: *за год, за неделю, за ночь, за столетие...* Этот отрезок может быть сколь угодно большим, но не сколь угодно малым. А вот значение №5 («предшествование») допускает именно такой случай, поэтому здесь, наряду с теми же лексемами *год, неделя, ночь...*, возможны также: *за секунду, за мгновение* и т. п. Кроме того, в рамках этого значения №5 формируется составной предлог (как бывают составные союзы) *за... до: за неделю до собрания, за секунду до взрыва*.

Значение №7 реализуется только в сочетаниях с глаголами, обозначающими приступ к какому-то действию, связанному с объектом: *взяться, приняться, сесть* и т. п.: *взяться за работу; схватиться за чтение; сесть за уроки*. Это показывает нам, что к внутренней взаимосвязи лексической семантики и словоизменения имеет отношение и третья сторона — синтак-

сис. Через управление глагола, подчиняющего себе падежную или предложно-падежную форму, последняя уточняет (чтоб не сказать — навязывает) выбор соответствующей лексики.

Наконец, значение предлога № 12 («превышение предела»), ставящее измерение времени в общий ряд количественных параметров, также имеет свои лексические признаки. Если речь идет о возрасте человека, то превышение некоторой границы обозначается «круглыми» числами, начиная с 20. Можно сказать: *Ему за 20, за 30, за 40, за 50* и т. д., но не «Ему за 7» или «Ему за 24» (ср.: Крейдлин 1997: 141).

Все эти случаи подтверждают старую истину:

«Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку „лексической части”» (Шведова 1984: 11).

И это не только означает, что каждая лексико-семантическая группа слов тяготеет к определенному набору синтаксических функций. Но, выражая некоторую семантико-синтаксическую функцию, она стремится специализироваться в выборе морфологической формы — в частности, падежа.

Анализ только одной, но многозначной словоформы — *за* + вин. — демонстрирует множественные случаи фразеологизации (или: коллоквиализации) словосочетаний с темпоральным значением: лексическое значение селективно (избирательно) вступает в двустороннюю связь с предложно-падежной формой. И это возвращает нас еще к одной общей проблеме лингвистической теории: **сколь широким должен быть лексический базис грамматического значения?** Понятно, что чем шире охват лексического материала, тем «грамматичнее» значение (в этом смысле число — более грамматическая категория, чем, скажем, одушевленность). Но если этот базис сводится к минимуму, практически — к одной или нескольким лексемам, то имеем ли мы здесь дело вообще с грамматикой?

Напомню то понимание грамматических явлений, которое утвердилось в когнитивной лингвистике. В частности, Л. Талми разводит все языковые элементы по двум большим классам: открытых и закрытых единиц. Состав первых изменчив, пополняется, потому это и открытый класс (в традиционном понимании — лексика); состав вторых — постоянен, задан системой языка на данном этапе развития (это грамматика). При этом «формы закрытых классов не могут относиться к каким-либо отдельным их представителям. <...> Таким образом, в языке могут быть имена собственные, но не может быть “предлогов собственных”» (Талми 1999: 104–105). Возвращаясь к описанному материалу, можно было бы привести в качестве такого исключения — «предлога собственного», — скажем, русское *по* в собственно темпоральном значении: *по осени, по весне*. Еще более ярким примером — с другим значением — мог бы служить устаревший

предлог *паче*: *паче чаяния, тем паче* — вот, собственно, и все русские контексты, в которых он сегодня выступает.

Разумеется, сказанное касается выражения не только временных отношений, но и иных грамматических. В качестве орфографического казуса можно вспомнить ситуацию в Советском Союзе, когда, при нормативном написании отчества *Ильич* в творительном падеже *Ильичом*, для двух случаев допускалось исключение *Ильичем* (для В. И. Ленина и Л. И. Брежнева). Но понятно, что здесь мы уже покидаем сферу грамматики и вступаем в область лексикологии или идеологии. Понятно также, что выпадают из сферы грамматики различные морфологические атавизмы или некротизмы, вроде остатков двойственного числа (*Бодливой корове бог **рог** не дает*) или вокатива (*старче, отче* и т. п.). Грамматика как таковая всеохватна по сфере своего действия. Говоря словами современного российского поэта Льва Лосева,

Грамматика есть бог ума —
решает всё за нас сама.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонова Клер. «О конструкции „предлог с + генитив“». Пайар Дени, Селиверстова Ольга (ред.). *Исследования по семантике предлогов*. Сборник статей. Москва: Русские словари, 2000: 313–337.
- Апресян Юрий. «Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект». *Русский язык в научном освещении* 3/1 (2002): 10–29.
- Апресян Юрий (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- Бурас Мария. *Лингвисты, пришедшие с холода*. Москва: АСТ, 2022.
- Вепрева Ирина. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
- Всеволодова Майя. *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*. Москва: Издательство Московского университета, 1975.
- Георгиева Елена, Мурдаров Владко (ред.). *Грамматика на грешките*. София: Наука и изкуство, 1982.
- Граудина Людмила и др. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва: Наука, 1976.
- Зализняк Андрей. *Русское именное словоизменение*. Москва: Наука, 1967.
- Золотова Галина. *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука, 1988.
- Ицкович Виктор. *Очерки синтаксической нормы*. Москва: Наука, 1982.
- Крейдлин Григорий. «Время сквозь призму временных предлогов». Арутюнова Нина, Янко Татьяна (ред.). *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: Индрик, 1997: 139–151.
- Мартине Андре. «Основы общей лингвистики». Звегинцев Владимир (ред.). *Новое в лингвистике*. Выпуск III. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963: 366–566.
- Норман Борис. «К семантике предложно-падежной формы». Nagórko Alicja et al. (ed.). *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 33) Frankfurt am Main et al.: Peter Lange. 2008: 191–198.
- Норман Борис. «Категория посессивности с позиций когнитивной лингвистики». *SLAVIA* 86/2–3 (2017): 244–264.

- Норман Борис, Мухин Михаил. «О грамматических профилях лексико-семантических групп: поиск внутренних связей между лексической и грамматической семантикой». *SLAVIA* 84/3 (2015): 348–359.
- Склярская Галина. «„Так не говорят“, или еще раз о системе, норме и узусе (взгляд лексикографа)». *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова* 13/3 (2017): 153–159.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка в 17 т.* Том 4. Ж–З. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1955.
- Талми Леонард. «Отношение грамматики к познанию». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 1 (1999): 88–115.
- Федосюк Михаил. «„Недаром помнит вся Россия про день... Бородино“, или Почему перестают склоняться топонимы на -ино, -ово». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология* 5 (2019): 333–341.
- Федосюк Михаил. «О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней». *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация* 4 (2022): 9–19.
- Шведова Наталья. «Об активных потенциях, заключенных в слове». Ярцева Виктория (ред.) *Слово в грамматике и словаре*. Москва: Наука, 1984: 7–15.
- Щерба Лев. «О трюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Щерба Лев. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука, 1974: 24–39.
- Bogusławski Andrzej. *Semantyka, pragmatyka. Leksykografa glos demarkacyjny*. Warszawa: TAKT, 2008.
- Langacker Ronald. *Grammar and Conceptualization*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Keenan Edward. “Logic and Language”. Bloomfield Morton, Haugen Einar (ed.). *Language as a Human Problem*. New York, 1973: 187–196.
- Neuenkirchen Andreas. *Kann man sagen, muss man aber nicht. Die größten Sprachaufreger des Deutschen*. Duden, 2021.
- Pisarek Walery. *Słownik języka niemy-polskiego, czyli błędy językowe w prasie*. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Wingender Monika. *Zeit und Sprache. Temporalität und ihre Repräsentation im Lexikon des Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995.

REFERENCES

- Agafonova Kler. «O konstrukcii „predlog s + genitiv“». Pajar Deni, Seliverstova Ol’ga (red.). *Issledovaniya po semantike predlogov. Sbornik statej*. Moskva: Russkie slovari, 2000: 313–337.
- Apresyan Yuriy. «Vzaimodejstvie leksiki i grammatiki: leksikograficheskij aspekt». *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* 3/1 (2002) 10–29.
- Apresyan Yuriy (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovyarja*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2010.
- Bogusławski Andrzej. *Semantyka, pragmatyka. Leksykografa glos demarkacyjny*. Warszawa: TAKT, 2008.
- Buras Mariya. *Lingvisty, prishedshie s holoda*. Moskva: AST, 2022.
- Fedosyuk Mihail. «„Недаром помнит vsya Rossiya pro den’... Borodino“, ili Pochemu perestayut sklonyat’sya toponimy na -ino, -ovo». *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Russkaya filologiya*. 5 (2019): 333–341.
- Fedosyuk Mihail. «O prichinah rosta analitizma i produktivnosti neidiomatichnyh nominacij v russkom yazyke nashih dnei». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*. 4 (2022): 9–19.
- Georgieva Elena, Murdarov Vladko (red.). *Gramatika na greshkite*. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1982.

- Graudina Lyudmila i dr. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov*. Moskva: Nauka, 1976.
- Ickovich Viktor. *Ocherki sintaksicheskoy normy*. Moskva: Nauka, 1982.
- Keenan Edward. "Logic and Language". Bloomfield Morton, Haugen Einar (ed.). *Language as a Human Problem*. New York, 1973: 187–196.
- Krejdlin Grigorij. «Vremya skvoz' prizmu vremennyh predlogov». Arutyunova Nina, Yanko Tat'yana (red.). *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moskva: Indrik, 1997: 139–151.
- Langacker Ronald. *Grammar and Conceptualization*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Martine Andre. «Osnovy obshchej lingvistiki». Zvegincev Vladimir (red.). *Novoe v lingvistike*. Vypusk III. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963: 366–566.
- Neuenkirchen Andreas. *Kann man sagen, muss man aber nicht. Die größten Sprachaufreger des Deutschen*. Duden, 2021.
- Norman Boris. «K semantike predlozhno-padezhnoj formy». Nagórko Alicja et al. (ed.). *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 33) Frankfurt am Main et al.: Peter Lange. 2008: 191–198.
- Norman Boris. «Kategoriya posessivnosti s pozicij kognitivnoj lingvistiki». *SLAVIA* 86/2–3 (2017): 244–264.
- Norman Boris, Muhin Mihail. «O grammaticheskikh profilyah leksiko-semanticheskikh grupp: poisk vnutrennih svyazey mezhdru leksicheskoy i grammaticheskoy semantikoj». *SLAVIA* 84/3 (2015): 348–359.
- Pisarek Walery. *Słownik języka niby-polskiego, czyli błędy językowe w prasie*. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Scherba Lev. «O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii». Shcherba Lev. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad: Nauka, 1974: 24–39.
- Shvedova Natal'ya. «Ob aktivnykh potentsiyah, zaklyuchennykh v slove». Yarceva Viktoriya (red.). *Slovo v grammatike i slovar*. Moskva: Nauka, 1984: 7–15.
- Sklyarevskaya Galina. «„Tak ne govoryat“, ili eshche raz o sisteme, norme i uzuse (vzglyad leksikografa)». *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* 13/3 (2017): 153–159.
- SSRLYA — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* Tom 4. ZH–Z. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- Talmi Leonard. «Otnoshenie grammatiki k poznaniyu». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* 1 (1999): 88–115.
- Veprev Irina. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002.
- Vsevolodova Majya. *Sposoby vyrazheniya vremennyh otnoshenij v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1975.
- Wingender Monika. *Zeit und Sprache. Temporalität und ihre Repräsentation im Lexikon des Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995.
- Zaliznyak Andrej. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moskva: Nauka, 1967.
- Zolotova Galina. *Sintaksicheskij slovar'. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa*. Moskva: Nauka, 1988.

Борис Норман

«ТАКО СЕ МОЖЕ РЕЋИ, АЛИ ТАКО СЕ НЕ ГОВОРИ» (О СЕЛЕКТИВНОЈ ФУНКЦИЈИ ГРАМАТИЧКИХ ОБЛИКА)

Резиме

У чланку се истражују ситуације у којима се постојеће и могуће језичке јединице: попут речи, синтаксичке конструкције или граматичког облика, не користе у говору. Истиче се 5 општих разлога због којих се то догађа. Детаљно се разматра један од њих: по-

стојање селективне функције код граматичког облика. То значи да граматичка правила и филтери омогућавају боље одређивање граница лексичко-семантичких група. Таква унутрашња веза олакшава говорнику и слушаоцу постизање комуникативног ефекта. Ова теза је илустрована граматичким облицима који представљају семантичко-синтаксичку функцију темпоратива. У руском језику постоји велики број падежних и предлошко-падежних облика за изражавање темпоративне функције (24, по Синтаксичком речнику Г. А. Золотове): у фебруару, на Ускрс, за Нову годину, на пролеће, за недељу, изјутра итд. Једно од објашњења ове чињенице је наставак дивергентног развоја функције темпоратива, диференцијација њених нијанси, као и појављивање „субфункција“ — таквих као што су „почетна“ и „крајња тачка“, „трајање“, „предхођење“ и др. Друго могуће објашњење обиља темпоралних облика може се посматрати кроз међусобну условљеност лексичких и граматичких средстава изражавања. То значи да свака лексичко-семантичка група речи тежи ка одређеним, „за њу погодним“ средствима изражавања временских односа. На пример, именице које означавају процес, изражавају темпоративну функцију обликом локатива са предлогом по: *по доласку*, *по повратку*, итд. Међутим, не може се рећи: „по испитима“ или „по следећој недељи“. У чланку се такође поставља питање поводом ширине лексичке базе граматичког значења и наводе се примери лексикализације падежних облика.

Кључне речи: језички систем, норма, руски језик, предлог, падеж, темпоративи.